

Маруневич Оксана Викторовна

**ЭТНОМАРКИРОВАННЫЕ ПРИМЕТЫ В ЯЗЫКОВОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования этномаркированных примет и суеверий в языковом и историческом сознании восточных, южных и западных славян. На основе привлечения широкого корпуса источников автор приходит к выводу, что этномаркированные приметы являются языковым способом репрезентации запрета, разрешения, предостережения, совета и т.д. в ситуациях, используемых носителями славянской традиции для построения своего поведения с иноэтническими соседями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 136-139. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.16

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования этномаркированных примет и суеверий в языковом и историческом сознании восточных, южных и западных славян. На основе привлечения широкого корпуса источников автор приходит к выводу, что этномаркированные приметы являются языковым способом репрезентации запрета, разрешения, предостережения, совета и т.д. в ситуациях, используемых носителями славянской традиции для построения своего поведения с иноэтническими соседями.

Ключевые слова и фразы: примета; паремия; этнически чужой; языковое сознание; обычай.

Маруневич Оксана Викторовна, к. филол. н.
Ростовский государственный университет путей сообщения
oks.marunevich@mail.ru

ЭТНОМАРКИРОВАННЫЕ ПРИМЕТЫ В ЯЗЫКОВОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Приметы – словесные формулы, представляющие собой одну из древнейших форм верований. Они начинают прогнозировать будущее человека еще до его появления на свет, сопровождают его всю жизнь и даже связаны с событиями после его смерти. Это связано с тем, что вера в приметы (омениализм) является одной из самых жизнестойких и интенсивно влияющих на сознание носителей той или иной культуры форм религии. По мнению М. А. Кульковой, наряду с паремиями приметы являются особого рода произведениями народного творчества, наиболее яркими образцами сгущения народной мысли, оригинальным языковым воплощением архаической культуры и национальных традиций [10, с. 3].

Примета – достаточно широкое понятие. Этнолингвистический словарь «Славянские древности» определяет примету как устойчивую связь двух явлений объективной действительности, «одно из которых понимается как знак, а второе – как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее» [16, с. 279]. Традиционно к приметам относят толкования, базирующиеся на коллективном опыте и фиксирующиеся в исторической памяти. Типологически приметы тесно связаны с другими формами и видами предсказаний – предвестиями, сновидениями, знамениями и гаданиями. Кроме того, наивное сознание прочно связывает приметы с поверьями, суевериями и знаками.

Н. Н. Фаттахова под приметами понимает «устойчивые конструкции, в которых запечатлён коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [20, с. 4]. Е. Купчевичева указывает, что иногда примету очень сложно отличить от поговорки, поскольку они схожи по своему содержанию, основанному на принципе «элементарной» наблюдательности [24, с. 35]: укр. *Лях тоді добрий, як спить, а пробудіцца, то біда. / Лях добрий, когда спит, а как проснется, то беда* (здесь и далее перевод автора статьи. – О. М.); *Ити до ляхів – не їсти пирогів* [13, с. 19]. / *Идти к ляхам – пирогов не есть*; бел. *Прыйшлы паляки: ані хліба, ні табакі* [15, с. 299]. / *Пришли поляки: нет ни хлеба, ни табака*. Несмотря на невозможность четкого разграничения этих двух фольклорных жанров, говорящие не назовут приметами такие поговорки, как: рус. *Кому чего, а цыгану – сало. Русак до читання, хохол до спевання* [6, с. 478]; бел. *Мудзёр лях на шкодзе* [15, с. 512]. / *Мудр лях, когда беды натворил*; укр. *Москаль як ворона, та хитріший чорта* [13, с. 18]. / *Москаль как ворона, но хитрее черта*.

В нашем исследовании мы будем придерживаться такой особенности приметы, как стереотипность и устойчивость формы выражения, так как большинство выявленных этномаркированных примет связаны с обрядовым действием.

В народной славянской культуре отношение к этнически чужим зачастую определяется понятием этноцентризма, корни которого уходят в глубокую древность. Так, еще в 1633 г. в Варшаве была опубликована книга доктора теологии Войцеха Демболенцкого, посвященная доказательству того, что Королевство Польское является древнейшим в Европе, и того, что лишь один славянский (по сути польский) язык может претендовать на статус истинного и сакрального праязыка [21].

С позиций этноцентризма все «инострannое», «чужое» считается опасным, греховным, магически вредоносным, а представитель иной этнической группы – архетипным воплощением зла и потусторонних сил [25]. Подобные представления зафиксированы и в паремиях: рус. *Бог создал Адама, а черт – молдавана; Зырянин рыж от бога, татарин рыж от черта; Первого черемиса леший родил. Финляндия – чертова сторонушка* [6, с. 479]; укр. *Бог сотворив цапа, а чорт – кацапа* [13, с. 18]. / *Бог создал козла, а чёрт – кацапа*. В значительной степени это объясняется тем, что в народных легендах черт оказывается «прародителем» нации. В сказаниях средневековой Западной Европы, посвященных заключению договора с дьяволом, неизменным является образ иноверца, язычника, иудея или мусульманина, предлагающих христианину услуги посредника в установлении контакта с дьяволом, который обеспечит его богатством, любовью или могуществом.

Показательны для символики образа «этнически чужого» приметы, связанные со встречей иностранца или человека иной веры как наяву, так и во сне. В частности, в Западной Белоруссии верят, что если цыгане везают в деревню против ветра, нужно ожидать дождя с градом, если по ветру, наоборот – продолжительной

засухи [12, с. 133]. У поляков, гуцулов и белорусов дурной приметой считалось встретить еврея по дороге на охоту или рыбалку. В отличие от славянских народов, в Латгалии встретить еврея рано утром, еще до рассвета – значит быть удачливым во всех начинаниях. Примечательна в этом отношении латгальская идиома *Žeida laime* (досл. «жидовское счастье») – о неожиданно свалившейся удаче и счастье [22, с. 85].

Кроме того, в белорусском Полесье остерегались встречи цыгана, которая сулила полную неудачу в делах. Плохим знаком считается увидеть цыгана и во сне. У болгар это сулит болезнь, бедность и даже происки нечистой силы. У восточных славян появление цыгана во сне означает обман. Ср. рус. *Цыгану без обману дня не прожить; Цыган ищет того, как бы обмануть кого; Цыган даром мимо не пройдет* [6, с. 482]; укр. *Цыган хитрiстю жити ухитряється. / Цыган хитростью жить умудряется; Обдувив, як цыган на ярмарку* [13, с. 20]. / *Обманул, как цыган на ярмарке*. При этом у белорусского народа есть разумное с точки зрения наивного сознания объяснение, почему человеку снятся цыгане: *Голодным цыганы сняцца. / Голодным цыгане снятся; Спаць, не павячэраўшы – цыганы будуць сніцца* [15, с. 487]. / *Ложиться спать, не поужинав – цыгане будут сниться*. В Брянской области цыган во сне является предвестником засухи или сильных морозов в зависимости от того, приснился он летом или зимой. Лишь только у македонцев увидеть цыгана во сне обозначает радость [9, с. 175].

В украинских, польских и сербских народных песнях повстречавшийся девушке чужак – турок, волошин, лях, сербин – сначала оболещает ее, а затем подговаривает отравить брата, вступившегося за честь сестры. После убийства брата юноша отрекается от девушки, мотивируя это тем, что она может отравить и его. Использование этнонима в балладе – оправданный прием, генетически родственной обрядовой свадебной поэзии, выявляющей синкретизм традиционных фольклорных жанров. Именно в свадебном обряде наиболее ярко проявляется семантика «чужого», в том числе этнического (ср. *немец* – название большой соломенной куклы с преувеличенно большим фаллосом, которую дарили молодоженам в Стрыйском повете для того, чтобы у пары рождались мальчики) [5, с. 514].

Вместе с тем, трактовка образа «этнически чужого» амбивалентна. Поэтому в славянской народной культуре существует значительный пласт примет о необходимости взаимодействия с этнически чужими для удачи, излечения от болезней, приобретения материального достатка и т.д. Так, сербы Алексинацкого Поморавья верят, что встретивший рано утром на Сретенье цыгана будет счастлив весь год [11, с. 233]. А для обряда «полазника», распространенного у славян карпато-балканского ареала – украинцев, поляков, полещуков, словаков, сербов, хорватов, словенцев и болгар, специально приглашали в дом цыгана или еврея, являвшихся вестниками благополучия в новом году. В этой связи можно указать на этномаркированность названия Нового года в болгарском языке – *Циганска слава* [26, р. 425] и укр. диал. *циганить* – действительно звать [14, с. 402].

В Закарпатье на Рождество с самого утра приглашали в дом еврея: *За полазника поть до мене. / Будь у мене полазником*. Входя в дом, еврей произносил всего лишь одну фразу: *Дай Боже!* После чего ему давали выпить стакан водки, а с собой – меру пшеницы, бобов или гороха. Плохой приметой считалось, если кто-то придет в дом до прихода полазника, поэтому существует следующая поговорка-запрет: *На Введення: перший полаз, до хати не лазь; на Різдо: другий полаз, до хати не лазь; на Благовіщення: третій полаз, до хати не лазь* [1, с. 234]. / *На Введение: первый полаз, не иди в дом первым; на Рождество: второй полаз, не иди в дом первым; на Благовещенье: третий полаз, не иди в дом первым*.

В Боснии и Герцеговине в селах со смешанным населением полазником обязательно является мусульманин, в Сербии – католик. На Подолье колядующая на Рождество украинская молодежь всегда заходила за благословением к ксендзу, а поляки – к православному священнику.

С другой стороны, языковое сознание четко фиксирует противопоставление своего, «правильного» вероисповедания чужой, «неправильной» вере: рус. *нехристи, басурмане, поганая вера*; польск. *psia wiara, chlopska wiara*; сербск. *pacja ejera*; словенск. *pasja vera, turski pasjeverec*; болг. *куча вяра, права вяра*; бел. *Только той лік, што каталік, а вера паганская. / Только и облік, што католик, а вера языцкая. Поп – хлоп, а ксёндз – каплан шляхетны. / Поп – холоп, а ксёндз – священник благородных. Няма на свеці горшай веры, як басурманы-татары* [15]. / *Нет на свете худшей веры, чем басурмане-татары*; укр. *Лях, жид і собака – все віра однака. / У лях, жида и собаки одинаковая вера. З литвина не буде христианина* [13]. / *С литвина не будет христианина*. А украинские дети часто дразнили цыган: *Ој суһане, суһанoczку // Pesia twoia wiра: // Twoja zinka и sereду // Solonyни jila* [19, с. 93]! / *Ой, цыган, цыганочек // Пёсья твоя вера: // Жена твоя в среду // Солонину ела*.

В этом отношении интересна черногорская легенда о возникновении различных конфессий. К юной красавице посваталось сразу трое парней. Семья долго думала, кому же отдать предпочтение, пока к отцу во сне не явился ангел, который посоветовал следующее: дочь отдать за первого жениха, второму – отдать собаку, третьему же – свинью. Впоследствии от девушки произошли православные, от собаки – католики, а от свиньи – мусульмане [7, с. 462].

Часто к инородцам обращаются с целью избавления от болезни и защиты от угрожающей смерти. Отметим, что мнение о «чужеродцах» как о сильных и могущественных колдунах было знакомо практически всем славянским народам. В Полесье бытовали представления о евреях-знахарях, способных заговорить любую болезнь. Поляки считали, что молитва раввина помогает бездетной женщине обрести счастье материнства [23, с. 118]. В Смоленской области болгары-мусульмане (помаки) до сих пор берут у своих соседей-христиан освященную в церкви на Богоявление воду для лечения больных домочадцев или тайно черпают воду из реки после того, как ее освятил священник [18, с. 283]. Согласно сербским верованиям, ребенок будет здоров, если в первый раз его покормит грудью цыганка [2, с. 266].

В ряде случаев болезнь может отсылаться на этнически чужого: *Гыкавко, гыкавко, скач до воды, кого хоч напады, – чи коня, чи вола, чи корову, чи жидивку черноброву* [4, с. 41]. / *Икота, икота, беги к воде, на кого хочешь перейди – на коня, на вола, на корову или жидовку черноброву. Икавко, икавко! иды до воды, кого схочешь напады – хоч вола, хоч цыганське дитя* [Там же, с. 34]. / *Икота, икота, беги к воде, на кого хочешь перейди – хоть на вола, хоть на цыганское дитя. Жиди, жиди! верниця, та візьми свою тітку* [13, с. 20]. / *Жиды, жиды, вернитесь и забирайте свою тётку* (заговор от лихорадки). Однако в Беларуси знахарям запрещалось лечить евреев: *Жидам ня можна помогаць молитвамі, а то толькі свиньке і жиду будзець рады даваць, а насъкому ўжэ не поможешь* [12, с. 93]. / *Жидам нельзя помогать молитвамі, иначе потом толькі свиней і жидов лечить будешь, а нашему ужэ и не поможешь*.

Примечательно, что название ряда болезней в диалектах содержит в себе «этнический» компонент: рус. *татара молотят в голове* – головокружение, *цыганский пот пробирает* – озноб, *татарин* – нарыв, *жидовка* – лихорадка, *германское поветерье* – простуда, польск. *zudowka* – язва, короста, *lamanie włoskie* – сифилис, болг. *жид-жидовын(а)* – лишай, чеш. *žid* – чирей и др. Данная группа лексики опирается на особую сферу народной культуры – область мифологических представлений: болезнь в народном сознании представляется как чужеродное существо, проникающее в организм человека. Таким образом, языковые модели репрезентируются в этнокультурных символах фольклорных текстов, верований и примет.

В Сербии, если в семье умирают дети, всем новорожденным, даже мальчикам, прокалывают уши и надевают серьги. Для этого беременная женщина просила цыган изготовить специальную иглу, которую сначала она носила в традиционной безрукавке, а потом ею же прокалывала уши ребенку [8, с. 47]. В Боснии в этом случае женщины носили амулет в виде записанной на турецком языке молитвы. Однако самым распространенным способом защиты новорожденных от смерти был обряд подкидывания ребенка и его нахождения случайным прохожим. После появления ребенка на свет повитуха, соседи или кто-нибудь из членов семьи выносили ребенка из дома до восхода солнца и клали его на дороге, на мосту или возле церкви. Когда появлялся прохожий, повитуха или мать выходили из укрытия и объявляли нашедшего крестным отцом ребенка. Прохожий, кем бы он ни был, не мог отказаться. Примечательно, что наиболее желанным и благоприятным для судьбы ребенка считался кум-инородец или иноверец – цыган, турок для православного ребенка или православный – для католика.

По обычаям болгар, в Добрудже кума другой национальности или другой веры кто-нибудь заменял при крещении в церкви, но крестным отцом считался именно тот, кто нашел ребенка [3, с. 271]. В некоторых случаях турок или цыган специально приглашали стать крестными, чтобы в семье больше не умирали дети. В Черногории, в связи с тем, что они не могли крестить детей, кумовья-иноверцы совершают обряд пострижин [17, с. 291].

Таким образом, этномаркированные приметы – это специфический фольклорный жанр, особенности которого заключаются в том, что, актуализируя запреты, разрешения, предостережения, наставления, советы и т.д., они используются носителями славянской лингвокультуры для выстраивания своих поведенческих линий с представителями иных этнических групп и конфессий. Несмотря на то, что многие приметы функционируют лишь в определенных ареалах расселения восточных, южных и западных славян, они фиксируют наиболее важные межэтнические и межконфессиональные контакты той или иной ветви славянских народов и включают в себя систему оценки этнически чужих. В славянских этномаркированных приметах можно проследить следы фольклорно-мифологического мировоззрения, исторических событий и церковно-христианского учения.

Список источников

1. **Богатырев П. Г.** Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. 368 с.
2. **Володина Т. В.** «Няхрышчанае мясца»: женская грудь и грудное вскармливание в белорусских традиционных представлениях и языке (на общеславянском фоне) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 264-285.
3. **Генчев С.** Семейни обичаи и обреди // Добруджа: Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: Българската Академия на науките, 1974. С. 265-300.
4. **Гринченко Б. Д.** Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов: Типография Губернского земства, 1897. Вып. 2. 390 с.
5. **Гура А. В.** Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
6. **Даль В. И.** Пословицы русского народа. М.: АСТ; Астрель, 2008. 1159 с.
7. **Дучић Ст.** Живот и обичаји племена Куча // Српски Етнографски Зборник. Београд, 1931. Књ. 48. 596 с.
8. **Ђорђевић Т. Р.** Природа у веровању и предању нашега народа // Српски етнографски зборник LXXII. Живот и обичаји народни. Београд, 1958. С. 47-89.
9. **Ецовъ Т. Г.** Велесъ [Электронный ресурс] // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София: Държавна печатница, 1896. Кн. 13. URL: http://macedonia.kroraina.com/sbnu/sbnu_13.pdf (дата обращения: 11.08.2017).
10. **Кулькова М. А.** Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дисс. ... д. филол. н. Казань, 2011. 52 с.
11. **Недельковий М.** Годишњи обичаји у Срба. Београд: Вук Караџић, 1990. 432 с.
12. **Никифоровский Н. Я.** Простонародные приметы и поверья. Суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская Типолиитография, 1897. 338 с.
13. **Номис М.** Украинські приказки, прислів'я та таке інше. СПб.: В друк. Тиблена і комп. И. Куліша, 1864. 328 с.
14. **Онишкевич М. Й.** Словник бойківських говірок: у 2-х ч. Київ: Наукова думка, 1984. Частина 2: О-Я. 517 с.
15. **Прыказкі і примаўкі:** в 2-х кн. / склад. М. Я. Грынблат. Минск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. 616 с.
16. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 4. 736 с.

17. Толстая С. М. Магия против смерти // Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 269-297.
18. Узенёва Е. С. Этнолингвистическая экспедиция в Средние Родопы: 50 лет спустя // Ethnolinguistica Slavica: к 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 277-286.
19. Успенский Б. А. Избранные труды: в 2-х т. М.: Гнозис, 1994. Т. II. 688 с.
20. Фаттахова Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования. Казань: Печать-Сервис, 2012. 176 с.
21. Юдин А. Новая украинская мифология // Неприкосновенный запас. 2000. № 9 (1). С. 26-32.
22. Юшко-Штекеле А. Образ еврея в классическом латгальском фольклоре: тексты и контексты // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: материалы экспедиций 2011-2012 годов: в 2-х ч. / отв. ред. С. Амосова. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. Ч. II. С. 71-86.
23. Sala A. Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1992. 211 s.
24. Kurpevičová J. Analýze ruských, ukrajinských a českých národních pranostik kalendářního cyklu z pohledu lingvokulturologie. Ostrava: Ostravská univerzita, 2014. 229 s.
25. Marunevich O. V. The Naïve Views of Evil Spirits as Foreigners in the English and Russian Folklore in the XVII-XIX Centuries // Advances in Techniques and Technologies. 2013. № 10. P. 115-120.
26. Marushiakova E., Popov V. Dialect, Language and Identity of the Gypsies in Case of Bulgaria // A Multilingual Festschrift for Norbert Boretzky on Occasion of His 65th Birthday. Berlin: Acadimie, 2001. P. 423-430.

ETHNO-MARKED SIGNS IN LANGUAGE AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF SLAVIC PEOPLES

Marunevich Oksana Viktorovna, Ph. D. in Philology
Rostov State Transport University
oks.marunevich@mail.ru

The article deals with the peculiarities of functioning of ethno-marked signs and superstitions in the language and the historical consciousness of the Eastern, Southern and Western Slavs. On the basis of the broad corpus of sources, the author comes to the conclusion that the ethno-marked signs are a linguistic way of representing a ban, a permission, a warning, a piece of advice, etc. in the situations used by the bearers of the Slavic tradition to build their own behavior with foreign ethnic neighbors.

Key words and phrases: sign; paroemia; ethnically alien; language consciousness; custom.

УДК 811.112.2'373.2=811.133

В статье приводятся данные анализа ономастического сегмента заимствованного галльского пласта в составе современного немецкого литературного языка: выделяются группы заимствованных онимов в соответствии с ономастиологическим принципом организации ономастической лексики; приводятся количественные параметры и принципы описания указанного сегмента. В центре внимания находится кластер отонимных единиц, полученных путём деонимизации от французских имён собственных (антропонимов и топонимов).

Ключевые слова и фразы: галльские заимствования; современный немецкий литературный язык; ономастический сегмент; онимы; типология; ономастиологический анализ.

Меремкулова Татьяна Игоревна

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
sonata_tanya@rambler.ru*

ОНОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕДИНИЦ ЗАИМСТВОВАННОГО ГАЛЛЬСКОГО ПЛАСТА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Задача настоящей статьи – дать анализ ономастического сегмента заимствованного галльского пласта в системе современного немецкого литературного языка. Ономастический сегмент представляет собой совокупность онимной (отонимной) лексики и её субклассы, например, эпонимы. Указанная лексика описывается при помощи понятийно-терминологического аппарата ономатологии – науки об именах собственных [6, с. 9]. Такие понятия ономатологии, как «ономастический» (относящийся к именам собственным) и «онимный» (касающийся онимов вообще), используются нами, вслед за Т. В. Шмелёвой, синонимично [7, с. 11].

Под ономастиологическим анализом понимается исследование средств и способов создания плана выражения онимного знака, т.е. их номинации (наименования), которая может быть представлена означающим различной структуры [4, с. 267].

Несмотря на существенный задел отечественных и зарубежных учёных в указанной области лингвистического знания, сама методология ономастиологического анализа оставляет, на наш взгляд, пространство для её дальнейшей доработки. В частности, по-прежнему присутствует двусмысленность в понимании того, что обозначать онимом – продукт (де)онимизации или саму производящую основу. В этой связи значительно затруднена практика сегрегации ономастических единиц по производному признаку на примере единицы